

К 180-летию со дня рождения Карла Маркса

5 мая 1818 года родился человек, которому было суждено стать величайшим ученым и революционером. К. Маркс совершил теоретическую революцию в общественном сознании. Научные заслуги Маркса признаются даже его яркими противниками. Мы публикуем статьи, посвященные Марксу, не только российских ученых, но и крупнейших западных философов и социологов Р. Арона и Э. Фромма, не считавших себя марксистами, но высоко оценивавших теоретическое наследие великого мыслителя.

Ю. И. СЕМЕНОВ

МАРКСОВА ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Центр и периферия материалистического понимания истории

Величайшим открытием К. Маркса было созданное им в содружестве с Ф. Энгельсом материалистическое понимание истории. Основные его положения остаются в силе и сейчас.

В философии и методологии научного познания в настоящее время широкое распространение получил взгляд, согласно которому каждая научная теория состоит, во-первых, из центрального ядра, во-вторых, из окружающей его периферии. Выявление несостоятельности хотя бы одной идеи, входящей в ядро теории, означает разрушение этого ядра и опровержение данной теории в целом. Иначе обстоит с идеями, образующими периферийную часть теории. Их опровержение и замена другими идеями сами по себе не ставят под сомнение истинность теории в целом.

Ядро материалистического понимания истории составляют, на мой взгляд, шесть идей, которые с полным правом могут быть названы центральными.

Первое положение исторического материализма состоит в том, что необходимым условием существования людей является производство материальных благ. Материальное производство есть основа всей человеческой деятельности.

Второе положение заключается в том, что производство всегда носит общественный характер и всегда происходит в определенной общественной форме. Общественной формой, в которой идет процесс производства, является система социально-экономических или, как еще называют их марксисты, производственных отношений.

Третье положение: существует не один, а несколько типов экономических (производственных) отношений, а тем самым и несколько качественно отличных систем этих отношений. Отсюда вытекает, что производство может происходить и реально происходит в разных общественных формах. Таким образом, существует несколько типов или форм общественного производства. Эти типы общественного производства были названы способами производства. Каждый способ производства есть производство, взятое в определенной общественной форме.

Существование рабовладельческого, феодального и капиталистического способов производства по существу признается сейчас почти всеми учеными, в том числе и теми, кто не разделяет марксистскую точку зрения и термином «способ производства» не пользуется. Рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства суть не только типы общественного производства, но и стадии его развития. Ведь несомненно, что зачатки капитализма появляются лишь в XV–XIV вв., что ему предшествовал феодализм, который оформился, самое раннее, лишь в VI–IX вв., и что расцвет античного общества был связан с широким использованием рабов в производстве. Бесспорно и существование преемственной связи между античной, феодальной и капиталистической экономическими системами. И выявление данного факта с неизбежностью поро-

ждает вопрос: почему в одну эпоху господствовала одна система экономических отношений, в другую – другая, в третью – третья.

На глазах К. Маркса и Ф. Энгельса шла промышленная революция. И там, куда проникала машинная индустрия, с неизбежностью рушились феодальные отношения и утверждались капиталистические. И на сформулированный выше вопрос естественно напрашивался ответ: характер экономических (производственных) отношений определяется уровнем развития общественных сил, создающих общественный продукт, т. е. производительных сил общества. В основе смены систем экономических отношений, а тем самым и основных способов производства лежит развитие производительных сил. Таково **четвертое положение** исторического материализма.

В результате был не только подведен прочный фундамент под давно утвердившееся у экономистов убеждение в объективности капиталистических экономических отношений, но и стало ясным, что не только капиталистические, но и все вообще экономические отношения не зависят от сознания и воли людей. И существуя независимо от сознания и воли людей, экономические отношения определяют интересы как групп людей, так и отдельных людей, определяют их сознание и волю, а тем самым и их действия.

Таким образом, система экономических (производственных) отношений является не чем иным, как объективным источником общественных идей, который тщетно искали и не могли найти старые материалисты, представляет собой общественное бытие (в узком смысле), или социальную материю. **Пятое положение** исторического материализма – это тезис о материальности экономических (производственных) отношений. Система экономических отношений материальна в том и только в том смысле, что она первична по отношению к общественному сознанию.

С открытием социальной материи материализм был распространен и на явления общественной жизни, стал философским учением, в равной степени относящимся и к природе, и к обществу. Именно такой всеобъемлющий, достоверный доверху мате-

риализм и получил название диалектического. Таким образом, представление о том, что вначале был создан диалектический материализм, а затем он был распространен на общество, глубоко ошибочно. Наоборот, только тогда, когда было создано материалистическое понимание истории, материализм стал диалектическим, но никак не раньше. Суть нового марксова материализма – в материалистическом понимании истории.

Согласно материалистическому пониманию истории система экономических (производственных) отношений является основой, базисом любого конкретного отдельного общества. И естественным было положить в основу классификации отдельных конкретных обществ, их подразделения на типы характер их экономической структуры. Общества, имеющие своим фундаментом одну и ту же систему экономических отношений, основанные на одном способе производства, относятся к одному типу; общества, основанные на разных способах производства, относятся к разным типам общества. Эти выделенные по признаку социально-экономической структуры типы общества получили название общественно-экономических формаций. Их столько, сколько существует основных способов производства.

Подобно тому, как основные способы производства представляют собой не только типы, но и стадии развития общественного производства, общественно-экономические формации представляют собой такие типы общества, которые являются одновременно и стадиями всемирно-исторического развития. Это **шестое положение** материалистического понимания истории.

Понятие об основных способах производства как о типах производства и стадиях его развития и понятие об общественно-экономических формациях как об основных типах общества и стадиях всемирно-исторического развития входят в ядро исторического материализма. Суждения же о том, сколько существует способов производства, сколько из них являются основными, и о том, сколько существует общественно-экономических формаций, в каком порядке и как они сменяют друг друга, относятся к периферийной части материалистического понимания истории.

В основу схемы смены общественно-экономических формаций, созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом, была положена утвердившаяся к тому времени в исторической науке периодизация всемирной истории, в которой первоначально выделялись три эпохи (античная, средневековая, новая), а в дальнейшем к ним была добавлена в качестве предшествующей античной эпоха Древнего Востока. С каждой из этих всемирно-исторических эпох основоположники марксизма связали определенную общественно-экономическую формацию. Вряд ли нужно цитировать известное высказывание К. Маркса об азиатском, античном, феодальном и буржуазном способах производства¹. Продолжая разрабатывать свою схему, К. Маркс и Ф. Энгельс в дальнейшем, базируясь в основном на труде Л. Г. Моргана «Древнее общество» (1877), пришли к выводу, что антагонистическим способам производства предшествовал первобытно-общинный, или первобытно-коммунистический. Согласно разработанной ими концепции настоящего и будущего человечества на смену капиталистическому обществу должна прийти коммунистическая общественно-экономическая формация. Так возникла схема развития человечества, в которой фигурируют пять уже существовавших и отчасти продолжающих существовать формаций: первобытно-коммунистическая, азиатская, античная, феодальная и буржуазная и еще одна, которой еще нет, но которая, по мнению основоположников марксизма, должна неизбежно возникнуть, – коммунистическая.

Когда та или иная подлинно научная теория создана, она становится относительно самостоятельной и по отношению к своим собственным творцам. Поэтому не все идеи даже ее создателей, не говоря уже об их последователях, причем прямо относящиеся к проблемам, которые ставит и решает данная теория, можно рассматривать как составные моменты этой теории. Так, например, Ф. Энгельсом в свое время было выдвинуто положение, что на ранних этапах развития человечества социальные порядки определялись не столько производством материальных

¹Маркс К. К критике политической экономии//К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изя. 2-е. Т. 13. С. 7.

благ, сколько производством самого человека (детопроизводством)². И хотя это положение было выдвинуто одним из создателей материалистического понимания истории, оно не может рассматриваться как входящее не только в центральное ядро, но и в периферийную часть этой теории. Оно несовместимо с основными положениями исторического материализма. На это в свое время указал еще Г. Кунов³. Но главное – оно является ложным.

К. Маркс и Ф. Энгельс высказывались по самым разнообразным вопросам. У К. Маркса была определенная система взглядов на восточное (азиатское), античное и феодальное общества, у Ф. Энгельса – на первобытное. Но их концепции первобытности, античности и т. п. не входят в качестве составных моментов (даже периферийных) ни в материалистическое понимание истории, ни в марксизм в целом. И устарелость и даже прямая ошибочность тех или иных представлений К. Маркса и Ф. Энгельса о первобытности, античности, религии, искусстве и т. п. ни в малейшей степени не могут свидетельствовать о несостоятельности материалистического понимания истории. Даже выявление неверности тех или иных идей Маркса, входящих в его теорию капиталистической экономики, являющуюся одной из основных частей марксизма, прямо не затрагивает центрального ядра материалистической концепции истории.

В России до революции и за рубежом и раньше и сейчас материалистическое понимание истории подвергалось критике. В СССР такая критика началась где-то начиная с 1989 г. и приобрела обвальный характер после августа 1991 г. Собственно, называть все это критикой можно лишь с большой натяжкой. Это было настоящее гонение. И расправляться с историческим материализмом стали теми же самыми способами, какими его раньше защищали. Историкам в советские времена говорили: кто против материалистического понимания истории, тот не советский человек. Аргументация «демократов» была не менее про-

²Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства//Там же. Т. 21. С. 26.

³Кунов Г. Марксова теория исторического процесса, общества и государства. Т. 2. М. – Л., 1930. С. 121–124.

ста: в советские времена существовал ГУЛАГ, значит, исторический материализм ложен от начала и до конца. Материалистическое понимание истории, как правило, не опровергали. Просто как о само собой разумеющемся говорили о его полнейшей научной несостоятельности. А те немногие, которые все же пытались его опровергать, действовали по отлаженной схеме: приписав историческому материализму заведомый вздор, доказывали, что это вздор, и торжествовали победу. Развернувшееся после августа 1991 г. наступление на материалистическое понимание истории было встречено многими историками с сочувствием. Некоторые из них даже активно включились в борьбу. Одна из причин неприязни немалого числа специалистов к историческому материализму состояла в том, что он навязывался им ранее в принудительном порядке. Это с неизбежностью порождало чувство протеста. Другая причина заключалась в том, что марксизм, став господствующей идеологией и средством оправдания существующих в нашей стране «социалистических» (в действительности же ничего общего с социализмом не имеющих) порядков, переродился: из стройной системы научных взглядов превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. Настоящий марксизм был замещен видимостью марксизма – псевдомарксизмом. Это затронуло все части марксизма, не исключая и материалистического понимания истории. Произошло то, чего больше всего боялся Ф. Энгельс. «...Материалистический метод, – писал он, – превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»⁴.

При этом не только превращались в мертвые схемы действительные положения материалистического понимания истории, но и выдавались за непреложные марксистские истины такие тезисы, которые никак не вытекали из исторического материализма. Достаточно привести такой пример. У нас долгое время

⁴Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту 5 июня 1890 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 351.

утверждалось: марксизм учит, что первое классовое общество может быть только рабовладельческим и никаким другим. Фактом является, что первыми классовыми обществами были древневосточные. Отсюда следовал вывод, что эти общества были рабовладельческими. Все, кто думал иначе, автоматически объявлялись антимарксистами. В обществах Древнего Востока рабы действительно были, хотя эксплуатация их никогда не была ведущей формой. Это позволяло историкам хоть как-то обосновывать положение о принадлежности этих обществ к рабовладельческой формации. Хуже обстояло дело, когда в обществах, которым полагалось быть рабовладельческими, рабов не было. Тогда рабами объявлялись такие непосредственные производители, которые ими никак не были, а общество характеризовалось как раннерабовладельческое.

Исторический материализм рассматривался как такой метод, который позволяет еще до начала исследования того или иного общества установить, что будет найдено в нем исследователем. Большую глупость придумать было трудно. В действительности материалистическое понимание истории не предваряет результаты исследования, оно лишь указывает, как нужно искать, чтобы понять сущность того или иного конкретного общества.

Однако неверно было бы полагать, что для обратного превращения исторического материализма из шаблона, под который подгоняли факты, каким он у нас долгое время был, в подлинный метод исторического исследования достаточно вернуться к истокам, восстановить в правах все то, что когда-то было создано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Материалистическое понимание истории нуждается в серьезном обновлении, которое предполагает не только внесение новых положений, которых не было у его основоположников, но и отказ от целого ряда их тезисов.

Ни одна из идей, входящих в ядро материалистического понимания истории, никогда никем не была опровергнута. В этом смысле исторический материализм непоколебим. Что же касается его периферии, то многое в ней устарело и должно быть заменено и дополнено.

В силу ограниченности объема статьи из большого числа проблем исторического материализма, нуждающихся в разработке, я возьму только одну, но, пожалуй, самую важную – учение об общественно-экономических формациях.

2. Общественно-экономическая формация и социоисторический организм

Один из важных недостатков ортодоксального исторического материализма заключался в том, что в нем не были выявлены и теоретически разработаны основные значения слова «общество». А таких значений это слово в научном языке имеет по меньшей мере пять. Первое значение – конкретное отдельное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Общество в таком понимании я буду называть социально-историческим (социоисторическим) организмом, или сокращенно социором.

Второе значение – пространственно ограниченная система социально-исторических организмов, или социорная система. Третье значение – все когда-либо существовавшие и ныне существующие социально-исторические организмы вместе взятые – человеческое общество в целом. Четвертое значение – общество вообще безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. Пятое значение – общество определенного типа (особенное общество или тип общества), например феодальное общество или индустриальное общество⁵.

Для историка особое значение имеют три первых значения термина «общество». Социально-исторические организмы — суть исходные, элементарные, первичные субъекты исторического процесса, из которых складываются все остальные, более сложные его субъекты – социорные системы разных уровней. Каждая из социорных систем любого иерархического уровня тоже была субъектом исторического процесса. Высший, предельный субъект исторического процесса – человеческое общество в целом.

⁵Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996.

Существуют разные классификации социально-исторических организмов (по форме правления, господствующей конфессии, социально-экономическому строю, доминирующей сфере экономики и т. п.). Но самая общая классификация – подразделение социоисторических организмов по способу их внутренней организации на два основных типа.

Первый тип – социально-исторические организмы, представляющие собой союзы людей, которые организованы по принципу личного членства, прежде всего — родства. Каждый такой социор неотделим от своего личного состава и способен, не теряя своей идентичности, перемещаться с одной территории на другую. Такие общества я назову демосоциальными организмами (демосоциорами). Они характерны для доклассовой эпохи истории человечества. Примерами могут служить первобытные общины и многообщинные организмы, именуемые племенами и вождествами.

Границы организмов второго типа – это границы территории, которую они занимают. Такие образования организованы по территориальному принципу и неотделимы от занимаемых ими участков земной поверхности. В результате личный состав каждого такого организма выступает по отношению к этому организму как самостоятельное особое явление – его население. Такого рода общества я буду называть геосоциальными организмами (геосоциорами). Они характерны для классового общества. Обычно их называют государствами или странами⁶.

Так как в историческом материализме не было понятия социально-исторического организма, то в нем не были разработаны ни понятие региональной системы социоисторических организмов, ни понятие человеческого общества в целом как совокупности всех существовавших и существующих социоров. Последнее понятие, хотя и присутствовало в неявной форме (имплицитно), но не было четко отграничено от понятия общества вообще.

Отсутствие понятия социоисторического организма в категориальном аппарате марксистской теории истории с неизбежностью мешало пониманию категории общественно-экономиче-

⁶Подробнее см. там же.

ской формации. Невозможно было по-настоящему понять категорию общественно-экономической формации, не сопоставив ее с понятием социоисторического организма. Определяя формацию как общество или как стадию развития общества, наши специалисты по историческому материализму никак не раскрывали смысла, который они при этом вкладывали в слово «общество», хуже того, они без конца, сами совершенно не осознавая того, переходили от одного смысла этого слова к другому, что с неизбежностью порождало невероятную путаницу.

Каждая конкретная общественно-экономическая формация представляет собой определенный тип общества, выделенный по признаку социально-экономической структуры. Это означает, что конкретная общественно-экономическая формация есть не что иное, как то общее, что присуще всем социально-историческим организмам, обладающим данной социально-экономической структурой. В понятии конкретной формации всегда фиксируется, с одной стороны, фундаментальное тождество всех социоисторических организмов, имеющих своей основой одну и ту же систему производственных отношений, а с другой – существенное различие между конкретными обществами с разными социально-экономическими структурами. Таким образом, соотношение социоисторического организма, принадлежащего к той или иной общественно-экономической формации, и самой этой формации есть отношение отдельного и общего.

Проблема общего и отдельного принадлежит к числу важнейших проблем философии, и споры вокруг нее велись на протяжении всей истории этой области человеческого знания. Начиная с эпохи средневековья два основных направления в решении этого вопроса получили названия номинализма и реализма. Согласно взглядам номиналистов в объективном мире существует только отдельное. Общего же либо совсем нет, либо оно существует только в сознании, является умственной человеческой конструкцией.

Иную точку зрения отстаивали реалисты. Они считали, что общее существует реально, вне и независимо от сознания человека и образует особый мир, отличный от чувственного мира

отдельных явлений. Этот особый мир общего по своей природе духовен, идеален и является первичным по отношению к миру отдельных вещей.

В каждой из этих двух точек зрения есть крупица истины, но обе они неверны. Для ученых несомненно существование в объективном мире законов, закономерности, сущности, необходимости. А все это – общее. Общее, таким образом, существует не только в сознании, но и в объективном мире, но только иначе, чем существует отдельное. И эта инаковость бытия общего состоит вовсе не в том, что оно образует особый мир, противостоящий миру отдельного. Нет особого мира общего. Общее существует не само по себе, не самостоятельно, а только в отдельном и через отдельное. С другой стороны, и отдельное не существует без общего.

Таким образом, в мире имеют место два разных вида объективного существования: один вид – самостоятельное существование, как существует отдельное, и второй – существование только в отдельном и через отдельное, как существует общее. К сожалению, в нашем философском языке нет терминов для обозначения этих двух разных форм объективного существования. Иногда, правда, говорят, что отдельное существует как таковое, а общее, реально существующее, не существует как таковое. Я в дальнейшем буду обозначать самостоятельное существование как самосуществование, как самобытие, а существование в ином и через иное как иносуществование, или как инобытие.

Чтобы познать общее (сущность, закон и т. п.), нужно «извлечь» его из отдельного, «очистить» от отдельного, представить его в «чистом» виде, т. е. в таком, в котором оно может существовать лишь в мышлении. Процесс «извлечения» общего из отдельного, в котором оно в реальности существует, в котором оно скрыто, не может быть ничем иным, как процессом создания «чистого» общего. Формой существования «чистого» общего являются понятия и их системы – гипотезы, концепции, теории и т. п. В сознании и несуществующее, общее выступает как самосуществующее, как отдельное. Но это самобытие не реальное, а

идеальное. Здесь перед нами отдельное, но не реальное отдельное, а идеальное.

После этого экскурса в теорию познания вернемся к проблеме формации. Так как каждая конкретная общественно-экономическая формация есть общее, то она может существовать и всегда существует в реальном мире только в отдельных обществах, социоисторических организмах, причем в качестве их глубокой общей основы, их внутренней сущности и тем самым и их типа.

Общее между социоисторическими организмами, относящимися к одной общественно-экономической формации, разумеется, не исчерпывается их социально-экономической структурой. Но объединяет все эти социальные организмы, обуславливает их принадлежность к одному типу прежде всего, конечно, наличие во всех них одной и той же системы производственных отношений. Все остальное, что роднит их, является производным от этой фундаментальной общности. Именно поэтому В. И. Ленин неоднократно определял общественно-экономическую формацию как совокупность или систему определенных производственных отношений. Однако вместе с тем он никогда не сводил ее полностью к системе производственных отношений. Для него общественно-экономическая формация всегда была типом общества, взятого в единстве всех его сторон. Он характеризует систему производственных отношений как «скелет» общественно-экономической формации, который всегда облечен и «плотью и кровью» других общественных отношений. Но в этом «скелете» всегда заключена вся сущность той или иной общественно-экономической формации⁷.

Так как производственные отношения объективны, материальны, то соответственно материальной является и вся система, образованная ими. А это значит, что она функционирует и развивается по своим собственным законам, не зависящим от сознания и воли людей, живущих в системе этих отношений. Данные законы – законы функционирования и развития общественно-экономической формации. Введение понятия об общественно-

⁷Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138—139, 165.

экономической формации, позволив впервые взглянуть на эволюцию общества как на естественно-исторический процесс, сделало возможным выявить не только общее между социоисторическими организмами, но одновременно и повторяющееся в их развитии.

Все социоисторические организмы, принадлежащие к одной и той же формации, имеющие своей основой одну и ту же систему производственных отношений, неизбежно должны развиваться по одним и тем же законам. Как бы ни отличались друг от друга современная Англия и современная Испания, современная Италия и современная Япония, все они представляют собой буржуазные социоисторические организмы, и развитие их определяется действием одних и тех же законов – законов капитализма.

В основе разных формаций лежат качественно отличные системы социально-экономических отношений. Это значит, что разные формации развиваются по-разному, по различным законам. Поэтому с такой точки зрения важнейшей задачей общественной науки является исследование законов функционирования и развития каждой из общественно-экономических формаций, т. е. создание теории каждой из них. По отношению к капитализму такую задачу попытался решить К. Маркс.

Единственный путь, который может привести к созданию теории любой формации, заключается в выявлении того существенного, общего, что проявляется в развитии всех социоисторических организмов данного типа. Вполне понятно, что раскрыть общее в явлениях невозможно, не отвлекаясь от различий между ними. Выявить внутреннюю объективную необходимость любого реального процесса можно, лишь освободив его от той конкретно-исторической формы, в которой она проявилась, лишь представив этот процесс в «чистом» виде, в логической форме, т. е. таким, каким он может существовать лишь в теоретическом сознании.

Если в исторической реальности конкретная общественно-экономическая формация существует только в социоисторических организмах в качестве их общей основы, то в теории эта внутренняя сущность единичных обществ выступает в чистом

виде, как нечто самостоятельно существующее, а именно как идеальный социоисторический организм данного типа.

Примером может послужить «Капитал» Маркса. В этом труде рассматривается функционирование и развитие капиталистического общества, но не какого-то определенного, конкретного – английского, французского, итальянского и т. п., а капиталистического общества вообще. И развитие этого идеального капитализма, чистой буржуазной общественно-экономической формации представляет собой не что иное, как воспроизведение внутренней необходимости, объективной закономерности эволюции каждого отдельного капиталистического общества. Как идеальные социальные организмы выступают в теории и все другие формации.

Вполне понятно, что конкретная общественно-экономическая формация в чистом виде, т. е. как особый социоисторический организм, может существовать только в теории, но не в исторической реальности. В последней она существует в отдельных обществах в качестве их внутренней сущности, их объективной основы.

Каждая реальная конкретная общественно-экономическая формация есть тип общества и тем самым то объективное общее, что присуще всем социоисторическим организмам данного типа. Поэтому она вполне может быть названа обществом, но ни в коем случае не реальным социоисторическим организмом. В качестве социоисторического организма она может выступать только в теории, но не в реальности. Каждая конкретная общественно-экономическая формация, будучи определенным типом общества, является тем самым обществом данного типа вообще. Капиталистическая общественно-экономическая формация есть капиталистический тип общества и одновременно капиталистическое общество вообще.

Каждая конкретная формация находится в определенном отношении не только к социоисторическим организмам данного типа, но к обществу вообще, т. е. тому объективному общему, которое присуще всем социоисторическим организмам, независимо от их типа. По отношению к социоисторическим организмам

данного типа каждая конкретная формация выступает как общее. По отношению к обществу вообще конкретная формация выступает как общее менее высокого уровня, т. е. как особенное, как конкретная разновидность общества вообще, как особенное общество.

Говоря об общественно-экономической формации, авторы ни монографий, ни учебников никогда не проводили четкой грани между конкретными формациями и формацией вообще. Между тем разница существует, и она значительна. Каждая конкретная общественная формация представляет собой не только тип общества, но и общество данного типа вообще, особенное общество (феодалное общество вообще, капиталистическое общество вообще и т. п.). Совершенно иначе обстоит дело с общественно-экономической формацией вообще. Она не есть общество ни в каком смысле этого слова.

Наши истматчики этого никогда не понимали. Во всех монографиях и во всех учебниках по историческому материализму всегда рассматривалась структура формации и перечислялись ее основные элементы: базис, надстройка, включая общественное сознание, и т. п. Эти люди считали, что если выделить то общее, что присуще первобытному, рабовладельческому, феодальному и т. п. обществам, то перед нами предстанет формация вообще. А на самом деле перед нами в таком случае выступит не формация вообще, а общество вообще. Воображая, что они описывают структуру формации вообще, истматчики в действительности рисовали структуру общества вообще, т. е. рассказывали о том общем, что присуще всем без исключения социоисторическим организациям.

Всякая конкретная общественно-экономическая формация выступает в двух ипостасях: 1) она – конкретный тип общества и 2) она же – общество вообще этого типа. Поэтому понятие конкретной формации включено в два разных ряда понятий. Один ряд: 1) понятие социоисторического организма как отдельного конкретного общества, 2) понятие о той или иной конкретной формации как обществе вообще определенного типа, т. е. особенном обществе, 3) понятие об обществе вообще. Другой

ряд: 1) понятие о социоисторических организмах как отдельных конкретных обществах, 2) понятие о конкретных формациях как разных типах социоисторических организмов общества и 3) понятие об общественно-экономической формации вообще как о типе социоисторических организмов вообще.

Понятие общественно-экономической формации вообще, как и понятие общества вообще, отражает общее, но иное, чем то, которое отражает понятие общества вообще. Понятие общества вообще отражает то общее, что присуще всем социоисторическим организмам независимо от их типа. Понятие общественно-экономической формации вообще отражает то общее, что присуще всем конкретным общественно-экономическим формациям независимо от их специфических особенностей, а именно, что все они представляют собой типы, выделенные по признаку социально-экономической структуры.

Во всех трудах и учебниках, когда формация определялась как общество, причем без указания на то, о какой формации идет речь – конкретной формации или формации вообще, никогда не уточнялось, идет ли речь об отдельном обществе или об обществе вообще. И нередко и авторы, и тем более читатели понимали под формацией отдельное общество, что было совершенной нелепостью. А когда некоторые авторы пытались все же принять во внимание, что формация есть тип общества, то нередко получалось еще хуже. Вот пример из одного учебного пособия: «Каждое общество представляет собой... целостный организм, так называемую *общественно-экономическую формацию*, т. е. определенный исторический тип общества со свойственным ему способом производства, базисом и надстройкой»⁸.

Как реакция на подобного рода толкование общественно-экономических формаций возникло отрицание их реального существования. Но оно было обусловлено не только невероятной путаницей, которая существовала в нашей литературе в вопросе о формациях. Дело обстояло сложнее. Как уже указывалось, в теории общественноэкономические формации существуют в качестве идеальных социоисторических организмов. Не обнаружив в

⁸Основы марксизма-ленинизма: Учебное пособие. М., 1959. С. 128.

исторической реальности таких формаций, некоторые наши историки, а за ними и некоторые истматчики пришли к выводу, что формации в действительности вообще не существуют, что они представляют собой лишь логические, теоретические конструкции⁹.

Понять, что общественно-экономические формации существуют и в исторической реальности, но иначе, чем в теории, не как идеальные социоисторические организмы того или иного типа, а как объективное общее в реальных социоисторических организмах того или иного типа, они оказались не в состоянии. Для них бытие сводилось только к самобытию. Инобытия они, как и все вообще номиналисты, во внимание не принимали, а общественно-экономические формации, как уже указывалось, не имеют самобытия. Они не самосуществуют, а иносуществуют.

В этой связи нельзя не сказать, что теорию формаций можно принимать, а можно отвергать. Но сами общественно-экономические формации нельзя не принимать во внимание. Существование их, по крайней мере, как определенных типов общества – несомненный факт.

3. Ортодоксальное понимание смены общественно-экономических формаций и его несостоятельность

В теории общественно-экономических формаций К. Маркса каждая формация выступает как общество вообще определенного типа и тем самым как чистый, идеальный социально-исторический организм данного типа. В этой теории фигурируют первобытное общество вообще, азиатское общество вообще, чистое античное общество и т. п. Соответственно смена общественных формаций предстает в ней как превращение идеального социально-исторического организма одного типа в чистый социально-исторический организм другого, более высокого типа: античного общества вообще в феодальное общество вообще, чистого фео-

⁹См., например, Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 118–119; Израитель В. Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975. С. 16.

дального общества в чистое капиталистическое общество и т. п. Сообразно с этим человеческое общество в целом выступает в теории как общество вообще – как один единый чистый социально-исторический организм, стадиями развития которого являются общества вообще определенного типа: чистое первобытное, чистое азиатское, чистое античное, чистое феодальное и чистое капиталистическое.

Но в исторической реальности человеческое общество никогда не было одним единым социально-историческим организмом. Оно всегда представляло собой огромное множество социоисторических организмов. И конкретные общественно-экономические формации тоже никогда в исторической реальности не существовали как социоисторические организмы. Каждая формация всегда существовала лишь как то фундаментальное общее, которое присуще всем социально-историческим организациям, имеющим своей основой одну и ту же систему социально-экономических отношений.

И в самом по себе таком расхождении между теорией и реальностью нет ничего предосудительного. Оно всегда имеет место в любой науке. Ведь каждая из них берет сущность явлений в чистом виде, а в такой форме сущность никогда не существует в реальности, ведь каждая из них рассматривает необходимость, закономерность, закон в чистом виде, но чистых законов в мире не существует.

Поэтому важнейшим делом в любой науке является то, что принято называть интерпретацией теории. Она состоит в выявлении того, как необходимость, выступающая в теории в чистом виде, проявляется в реальности. В применении к теории формаций вопрос состоит в том, как схема, претендующая на то, что она воспроизводит объективную необходимость развития человеческого общества в целом, т. е. всех существовавших и существующих социально-исторических организмов, реализуется в истории. Представляет ли она собой идеальную модель развития *каждого* социально-исторического организма, взятого в отдельности, или же только их всех *вместе взятых*?

В нашей литературе вопрос о том, представляет ли марксистская схема смены общественно-экономических формаций мысленное воспроизведение эволюции каждого социально-исторического организма, взятого в отдельности, или же она выражает внутреннюю объективную логику развития лишь человеческого общества в целом, но не отдельные составляющие его социумов, в сколько-нибудь отчетливой форме никогда не ставился. Во многом это связано с тем, что в марксистской теории отсутствовало понятие социально-исторического организма, а тем самым и понятие системы социально-исторических организмов. Соответственно, в ней никогда в достаточно четкой форме не проводилось различие между человеческим обществом в целом и обществом вообще, не анализировалось различие между формацией, как она существует в теории, и формацией, как она существует в реальности, и т. п.

Но если данный вопрос теоретически не ставился, то на практике он все же решался. Фактически считалось, что марксова схема развития и смены общественно-экономических формаций должна была реализовываться в эволюции каждого отдельного конкретного общества, т. е. каждого социально-исторического организма. В результате всемирная история представляла как совокупность историй множества изначально существовавших социально-исторических организмов, каждый из которых в норме должен был «пройти» все общественно-экономические формации.

Если не во всех, то, по крайней мере, в некоторых истматовских работах этот взгляд был выражен с предельной четкостью. «К. Маркс и Ф. Энгельс, – читаем мы в одной из них, – изучая мировую историю, пришли к выводу, что при всем многообразии общественного развития во всех странах имеется всеобщая, необходимая и повторяющаяся тенденция: все страны проходят в своей истории одни и те же этапы. Наиболее общие черты этих этапов находят свое выражение в понятии «общественно-экономическая формация»¹⁰. И далее: «Из этого понятия выте-

¹⁰Попов П. В., Сычев С. В. Методологические функции понятия «общественно-экономическая формация» // Методологический анализ некоторых философских категорий. М., 1976. С. 93.

кает, что все народы независимо от особенностей их исторического развития проходят с неизбежностью в основном одни и те же формации»¹¹.

Таким образом, смена общественно-экономических формаций мыслилась как происходящая исключительно лишь внутри социально-исторических организмов. Соответственно общественно-экономические формации выступали прежде всего как стадии развития не человеческого общества в целом, а отдельных социально-исторических организмов. Основание считать их стадиями всемирно-исторического развития давало только то, что их «проходили» все или, по крайней мере, большинство социальноисторических организмов.

Конечно, исследователи, сознательно или бессознательно придерживавшиеся такого понимания истории, не могли не видеть, что были факты, которые никак не укладывались в их представления. Но они обращали внимание в основном лишь на те из этих фактов, которые можно было истолковать как «пропуск» тем или иным «народом» той или иной общественно-экономической формации, и объясняли их как всегда возможное и даже неизбежное отклонение от нормы, вызванное стечением тех или иных конкретных исторических обстоятельств.

Трактовка смены формаций как последовательного изменения типа существующих социально-исторических организмов в известной степени находилась в соответствии с фактами истории Западной Европы в новое время. Смена феодализма капитализмом происходила здесь, как правило, в форме качественного преобразования существовавших социально-исторических организмов. Качественно изменяясь, превращаясь из феодальных в капиталистические, социально-исторические организмы в то же время сохранялись в качестве особых единиц исторического развития.

Франция, например, превратившись из феодальной в буржуазную, продолжала существовать как Франция. Позднефеодальное и буржуазное общества Франции, несмотря на все различия между ними, имеют между собой общее, являются последова-

¹¹ Там же. С. 95.

тельно сменившимися стадиями эволюции французского геосоциального организма. То же самое можно было наблюдать в Англии, Испании, Португалии. Однако уже с Германией и Италией обстояло иначе: даже в эпоху позднего феодализма не существовало ни германского, ни итальянского социально-исторических организмов.

Если же мы взглянем на мировую историю, какой она была до позднего феодализма, то вся она предстанет уж во всяком случае не как процесс стадийного изменения определенного числа изначально существующих социально-исторических организмов. Всемирная история была процессом возникновения, развития и гибели огромного множества социально-исторических организмов. Последние, таким образом, сосуществовали не только в пространстве, рядом друг с другом. Они возникали и гибли, приходили на смену друг другу, замещали друг друга, т. е. сосуществовали и во времени.

Если в Западной Европе XVI–XX вв. наблюдалась (да и то не всегда) смена типов социально-исторических организмов при сохранении их самих в качестве особых единиц исторического развития, то, например для Древнего Востока, была характерна прямо противоположная картина: возникновение и исчезновение социально-исторических организмов без изменения их типа. Вновь возникшие социально-исторические организмы по своему типу, т. е. формационной принадлежности, ничем не отличались от погибших.

Мировой истории не известен ни один социально-исторический организм, который «прошел» бы даже не только что все формации, но хотя бы три из них. Зато мы знаем множество социально-исторических организмов, в развитии которых вообще не было никакой смены формаций. Они возникли как социально-исторические организмы одного определенного типа и исчезли, не претерпев в этом отношении никаких изменений. Они возникли, например, как азиатские и исчезли как азиатские, появились как античные и погибли как античные.

Я уже отмечал, что отсутствие в марксистской теории истории понятия социально-исторического организма было се-

рвезным препятствием для сколько-нибудь четкой постановки проблемы интерпретации марксовой схемы смены общественно-экономических формаций. Но оно же одновременно и в значительной степени мешало осознать то несоответствие, которое существовало между ортодоксальной интерпретацией этой схемы и исторической реальностью.

Когда молчаливо принималось, что все общества в норме должны «пройти» все формации, никогда при этом не уточнялось, какой именно смысл вкладывался в данном контексте в слово «общество». Можно было понимать под ним социально-исторический организм, но можно было и систему социально-исторических организмов и, наконец, всю историческую последовательность социально-исторических организмов, сменившихся на данной территории. Именно эту последовательность чаще всего и имели в виду, когда пытались показать, что данная «страна» «прошла» все или почти все формации. И почти всегда именно эту последовательность подразумевали, когда употребляли слова «регионы», «области», «зоны».

Средством сознательной, а чаще бессознательной маскировки несоответствия между ортодоксальным пониманием смены формаций и реальной историей было также и использование слова «народ», причем, конечно, опять-таки без уточнения его смысла. Например, как о само собой разумеющемся говорили о том, что все народы без малейшего исключения «прошли» первобытнообщинную формацию. При этом полностью игнорировался хотя бы такой несомненный факт, что все современные этнические общности (народы) Европы сложились лишь в классовом обществе.

Но все эти, чаще всего неосознаваемые, манипуляции со словами «общество», «народ», «исторический регион» и т. п. не меняли существа дела. А оно заключалось в том, что ортодоксальная версия смены общественно-экономических формаций бесспорно находилась в явном противоречии с историческими фактами.

Именно все приведенные выше факты и давали противникам марксизма основание для того, чтобы объявить материалистиче-

ское понимание истории чисто умозрительной схемой, находящейся в разительном противоречии с исторической реальностью. Ведь в самом деле, полагали они, если общественно-экономические формации в подавляющем большинстве случаев не выступают как стадии развития социально-исторических организмов, то тем самым они уж никак не могут быть и стадиями всемирно-исторического развития.

Возникает вопрос, было ли изложенное выше понимание смены общественно-экономических формаций присуще самим основоположникам исторического материализма или же оно возникло позднее и было огрублением, упрощением или даже искажением их собственных взглядов. Несомненно, что у классиков марксизма имеются такие высказывания, которые допускают именно подобную, а не какую-либо другую интерпретацию.

«Общий результат, к которому я пришел, – писал К. Маркс в своем знаменитом предисловии «К критике политической экономии», содержащем изложение основ исторического материализма, – и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является лишь юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной над-

стройке... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах старого общества»¹².

Данное высказывание К. Маркса можно понять так, что смена общественных формаций всегда происходит внутри общества, причем не только общества вообще, но каждого конкретного отдельного общества. И такого рода высказываний у него много. Излагая его взгляды, В. И. Ленин писал: «Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»¹³. По существу, говоря о социальных организмах, В. И. Ленин имеет в виду не столько реальные социально-исторические организмы, сколько общественно-экономические формации, которые действительно в головах исследователей существуют как социальные организмы, но, разумеется, идеальные. Однако он нигде этого не уточняет. И в результате его высказывание можно понять так, что каждое конкретное общество нового типа возникает в результате преобразования социально-исторического организма предшествовавшего формационного типа.

Но наряду с высказываниями, подобными приведенному выше, у К. Маркса имеются и иные. Так, в письме в редакцию «Отечественных записок» он возражает против попытки Н. К. Михайловского превратить созданный им «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, – для того чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производи-

¹²Маркс К. Указ. раб. С. 6–7.

¹³Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 429.

тельных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека»¹⁴. Но эта мысль не была конкретизирована К. Марксом, и ее практически почти не принимали во внимание.

Наброшенная К. Марксом в предисловии к «К критике политической экономии» схема смены формаций в известной мере согласуется с тем, что нам известно о переходе от первобытного общества к первому классовому – азиатскому. Но она совершенно не работает, когда мы пытаемся понять, как возникла вторая классовая формация – античная. Дело обстояло вовсе не так, что в недрах азиатского общества вызрели новые производительные силы, которым стало тесно в рамках старых производственных отношений, и что как следствие произошла социальная революция, в результате которой азиатское общество превратилось в античное. Ничего даже отдаленно похожего не произошло. Никаких новых производительных сил в недрах азиатского общества не возникло. Ни одно азиатское общество, само по себе взятое, не трансформировалось в античное. Античные общества появились на территории, где обществ азиатского типа либо совсем никогда не было, либо они давно уже исчезли, и возникли эти новые классовые общества из предшествовавших им предклассовых обществ.

Одним из первых, если не первым из марксистов, попытавшихся найти выход из положения, был Г. В. Плеханов. Он пришел к выводу, что азиатское и античное общества представляют собой не две последовательные фазы развития, а два параллельно существующих типа общества. Оба эти варианта в одинаковой степени выросли из общества первобытного типа, а своим различием они обязаны особенностям географической среды¹⁵.

Советские философы и историки в большинстве своем пошли по пути отрицания формационного различия между древневосточными и античными обществами. Как утверждали они, и древневосточные, и античные общества в одинаковой степени были рабовладельческими. Различия между ними заключались лишь в том, что одни возникли раньше, а другие – позже. В возникших несколько позднее античных обществах рабовладение

¹⁴Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 120.

¹⁵Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма // Избранные философские произведения. Т. 3. М., 1957. С. 164–165.

выступало в более развитых формах, чем в обществах Древнего Востока. Вот, собственно, и все.

А те наши историки, которые не хотели мириться с положением о принадлежности древневосточных и античных обществ к одной формации, с неизбежностью, сами того чаще всего даже не осознавая, снова и снова воскрешали идею Г. В. Плеханова. Как утверждали они, от первобытного общества идут две параллельные и самостоятельные линии развития, одна из которых ведет к азиатскому обществу, а другая – к античному.

Не намного лучше обстояло дело и с применением марксовой схемы смены формаций к переходу от античного общества к феодальному. Последние века существования античного общества характеризуются не подъемом производительных сил, а, наоборот, их непрерывным упадком. Это полностью признавал Ф. Энгельс. «Всеобщее обнищание, упадок торговли, ремесла и искусства, сокращение населения, запустение городов, возврат земледелия к более низкому уровню – таков, – писал он, – был конечный результат римского мирового владычества»¹⁶. Как неоднократно подчеркивал он, античное общество зашло в «безвыходной тупик». Открыли путь из этого тупика лишь германцы, которые, сокрушив Западную Римскую империю, ввели новый способ производства – феодальный. А смогли они это сделать потому, что были варварами¹⁷. Но, написав все это, Ф. Энгельс никак не согласовал сказанное с теорией общественно-экономических формаций.

Попытку сделать это предприняли некоторые наши историки, которые пытались по-своему осмыслить исторический процесс. Это были те же самые люди, которые не желали принять тезис о формационной идентичности древневосточного и античного обществ. Они исходили из того, что общество германцев бесспорно было варварским, т. е. предклассовым, и что именно из него вырос феодализм. Отсюда ими был сделан вывод, что от первобытного общества идут не две, а три равноправные линии развития, одна из которых ведет к азиатскому обществу, другая –

¹⁶Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 643.

¹⁷Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 148–155.

к античному, а третья – к феодальному. С тем, чтобы как-то согласовать этот взгляд с марксизмом, было выдвинуто положение, что азиатское, античное и феодальное общества являются не самостоятельными формациями и уж, во всяком случае, не последовательно сменяющимися стадиями всемирно-исторического развития, а равноправными модификациями одной и той же формации – вторичной. Такое понимание было выдвинуто в свое время китаеведом Л. С. Васильевым и египтологом И. А. Стучевским¹⁸.

Идея одной единой докапиталистической классовой формации получила широкое распространение в нашей литературе. Ее разрабатывали и отстаивали и африканист Ю. М. Кобищанов¹⁹, и китаевед В. П. Илюшечкин²⁰. Первый называл эту единую докапиталистическую классовую формацию большой феодальной формацией, второй – сословно-классовым обществом.

Идея одной докапиталистической классовой формации обычно в явном или неявном сочеталась с идеей много-линейности развития. Но эти идеи могли существовать и по отдельности. Так как все попытки обнаружить в развитии стран Востока в период от VIII в. н. э. до середины XIX в. н. э. античную, феодальную и капиталистическую стадии кончились крахом, то целым рядом ученых был сделан вывод, что в случае со сменой рабовладения феодализмом, а последнего капитализмом мы имеем дело не с общей закономерностью, а лишь с западноевропейской линией эволюции и что развитие человечества не однолинейно, а многолинейно²¹. Конечно, в то время все исследователи, придерживавшиеся подобных взглядов, стремились (кто искренне, а кто и не очень) доказать, что признание многолинейности развития вполне согласуется с марксизмом.

¹⁸Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения эволюции докапиталистических обществ//Вопросы истории. 1966. № 5.

¹⁹Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства//Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, и другие работы.

²⁰Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970; Он же. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Вып. 1–2. М., 1980; Он же. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986; Он же. Эксплуатация и частная собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990, и другие работы.

²¹См., например, Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ//Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М., 1968.

В действительности же, конечно, это было, независимо от желания и воли сторонников таких воззрений, отходом от взгляда на историю человечества как на единый процесс, который составляет сущность теории общественно-экономических формаций. Недаром же Л. С. Васильев, который в свое время всячески доказывал, что признание многолинейности развития ни в малейшей степени не расходится с марксистским взглядом на историю, в последующем, когда с принудительным навязыванием исторического материализма было покончено, выступил как ярый противник теории общественно-экономических формаций и вообще материалистического понимания истории²².

Признание многолинейности исторического развития, к которому пришли некоторые отечественные историки еще во времена формально безраздельного господства марксизма, последовательно проведенное, неизбежно ведет к отрицанию единства мировой истории, к плюралистскому ее пониманию.

Но нельзя при этом не обратить внимание на то, что и изложенное выше внешне как будто бы сугубо унитаристское понимание истории на деле тоже, в конечном счете, оборачивается многолинейностью и фактическим отрицанием единства истории. Ведь, по существу, мировая история при таком понимании выступает как простая сумма параллельно протекающих совершенно самостоятельных процессов развития отдельных социально-исторических организмов. Единство мировой истории сводится тем самым лишь к общности законов, определяющих развитие социально-исторических организмов. Перед нами, таким образом, множество линий развития, но только совершенно одинаковых. Это, по сути, не столько однолинейность, сколько многоодинаковолинейность.

Конечно, между такой многолинейностью и многолинейностью в привычном смысле есть существенное различие. Первая предполагает, что развитие всех социально-исторических организмов идет по одним и тем же законам. Вторая допускает, что развитие разных обществ может идти совершенно по-разному,

²²См., например: Цивилизации в «третьем» мире («круглый стол») // Восток. 1992. № 3. С. 14–15.

что существуют совершенно различные линии развития. Многолинейность в привычном смысле есть многообразнолинейность. Первое понимание предполагает поступательное развитие всех отдельных обществ, а тем самым и человеческого общества в целом, второе исключает прогресс человечества.

Правда, с поступательным развитием человеческого общества в целом у сторонников ортодоксальной интерпретации смены формаций тоже возникали серьезные проблемы. Ведь было совершенно очевидно, что смена этапов поступательного развития в разных обществах происходила далеко не синхронно. Скажем, к началу XIX в. одни общества все еще были первобытными, другие – предклассовыми, третьи – «азиатскими», четвертые – феодальными, пятые – уже капиталистическими. Спрашивается, на каком же этапе исторического развития находилось в это время человеческое общество в целом? А в более общей постановке это был вопрос о признаках, по которым можно было судить о том, какой стадии прогресса достигло человеческое общество в целом за тот или иной отрезок времени. И на этот вопрос сторонники ортодоксальной версии никакого ответа не давали. Они вообще его полностью обходили. Одни из них его вообще не замечали, а другие старались не замечать.

Если подвести некоторые итоги, то можно сказать, что существенный недостаток ортодоксального варианта теории общественно-экономических формаций заключается в том, что он концентрирует внимание только на связях «вертикальных», связях во времени, диахронных, да и то понимаемых крайне односторонне, лишь как связи между различными стадиями развития внутри одних и тех же социально-исторических организмов. Что же касается связей «горизонтальных», т. е. связей между сосуществующими в пространстве социально-историческими организациями, связей синхронных, межсоциорных, то в теории общественно-экономических формаций им не придавалось значения. Такой подход делал невозможным понимание поступательного развития человеческого общества как единого целого, смены стадий этого развития в масштабе всего человечества, т. е.

подлинное понимание единства мировой истории, закрывал дорогу к подлинному историческому унитаризму.

4. Линейно-стадиальный и плюрално-циклический подходы к истории

Марксистская теория общественно-экономических формаций представляет собой одну из разновидностей более широкого подхода к истории. Он заключается во взгляде на всемирную историю как на один единый процесс поступательного, восходящего развития человечества. Такое понимание истории предполагает существование стадий развития человечества в целом. Возник унитарно-стадиальный подход давно. Он нашел свое воплощение, например, в делении истории человечества на такие стадии, как дикость, варварство и цивилизация (А. Фергюсон и др.), а также в подразделении этой истории на охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ, пастушеский (скотоводческий), земледельческий и торгово-промышленный периоды (А. Тюрго, А. Смит и др.). Тот же подход нашел свое выражение и в выделении вначале трех, а затем четырех всемирно-исторических эпох в развитии цивилизованного человечества: древневосточной, античной, средневековой и новой (Л. Бруни, Ф. Бьондо, К. Келер и др.).

Порок, о котором я только что говорил, был присущ не только ортодоксальной версии теории общественно-экономических формаций, но и всем названным выше концепциям. Такого рода вариант унитарно-стадиального понимания истории точнее всего следовало бы назвать унитарно-плюрално-стадиальным. Но данное слово чрезмерно неуклюже. Исходя из того, что для обозначения такого взгляда на историю иногда применяют слова «линейный» или «линейно-стадиальный», я буду называть его линейностадиальным. Именно такое понимание развития практически чаще всего и имеют в виду, когда говорят об эволюционизме в исторической и этнологической науках.

Как своеобразная реакция на такого рода унитарностадиальное понимание истории возник совершенно другой общий подход к истории. Суть его состоит в том, что человечество подразделяется на несколько совершенно автономных образований,

каждое из которых имеет свою собственную, абсолютно самостоятельную историю. Каждое из этих исторических образований возникает, развивается и рано или поздно с неизбежностью гибнет. На смену погибшим образованиям приходят новые, которые совершают точно такой же цикл развития.

В силу того, что каждое такое историческое образование все начинается с начала, ничего принципиально нового внести в историю оно не может. Отсюда следует, что все такого рода образования совершенно равноценны, эквивалентны. Ни одно из них по уровню развития не стоит ни ниже, ни выше всех остальных. Каждое из этих образований развивается, причем до поры до времени даже поступательно, но человечество в целом не эволюционирует и уж тем более не прогрессирует. Происходит вечное вращение множества беличьих колес.

Не составляет труда понять, что согласно такой точке зрения не существует ни человеческого общества в целом, ни всемирной истории как единого процесса. Соответственно не может быть и речи о стадиях развития человеческого общества в целом и тем самым об эпохах мировой истории. Поэтому такой подход к истории – плюралноциклический.

Плюралистское понимание истории возникло не сегодня. У его истоков стоят Ж. А. Гобино и Г. Рюккерт. Основные положения исторического плюрализма были достаточно четко сформулированы Н. Я. Данилевским, доведены до крайнего предела О. Шпенглером, в значительной степени смягчены А. Дж. Тойнби и, наконец, приобрели карикатурные формы в работах Л. Н. Гумилева. Названные мыслители именовали выделенные ими исторические образования по-разному: цивилизации (Ж. А. Гобино, А. Дж. Тойнби), культурно-исторические индивиды (Г. Рюккерт), культурно-исторические типы (Н. Я. Данилевский), культуры или великие культуры (О. Шпенглер), этносы и суперэтносы (Л. Н. Гумилев). Но это не меняло самой сути такого понимания истории.

Собственные построения даже классиков плюралноциклического подхода (не говоря уже о их многочисленных поклонниках и эпигонах) особой научной ценности не представляли. Но ценной была критика, которой они подвергли линейно-стадиальное понимание исторического процесса.

До них многие мыслители в своих философско-исторических построениях исходили из общества вообще, выступавшего у них как единственный субъект истории. Исторические плюралисты показали, что человечество в действительности разбито на несколько во многом самостоятельных образований, что существует не один, а несколько субъектов исторического процесса, и тем, сами того не осознавая, переключили внимание с общества вообще на человеческое общество в целом.

В какой-то степени их работы способствовали осознанию целостности мировой истории. Все они в качестве независимых единиц исторического развития выделяли не столько социально-исторические организмы, сколько их системы. И хотя сами они не занимались выявлением связей между социально-историческими организмами, образующими ту или иную конкретную систему, но такой вопрос с неизбежностью возникал. Даже тогда, когда они, подобно О. Шпенглеру, настаивали на отсутствии связей между выделенными единицами истории, все равно это заставляло задуматься об отношениях между ними, ориентировало на выявление «горизонтальных» связей.

Труды исторических плюралистов не только привлекли внимание к связям между одновременно существующими отдельными обществами и их системами, но заставили по-новому взглянуть и на «вертикальные» связи в истории. Стало ясным, что их ни в коем случае нельзя свести к отношениям между стадиями развития внутри тех или иных отдельных обществ, что история дискретна не только в пространстве, но и во времени, что субъекты исторического процесса возникают и исчезают.

Стало ясным, что социоисторические организмы чаще всего не трансформировались из обществ одного типа в общества другого, а просто прекращали существование. Социально-исторические организмы сосуществовали не только в пространстве, но и во времени. И поэтому естественно возникает вопрос о характере связей между обществами исчезнувшими и обществами, занявшими их место.

Одновременно перед историками с особой остротой встала проблема циклов в истории. Социоисторические организмы прошлого действительно проходили в своем развитии периоды расцвета и упадка, а нередко и гибели. И естественно возникал во-

прос о том, насколько совместимо существование таких циклов с представлением о всемирной истории как поступательном, восходящем процессе.

К настоящему времени плюрално-циклический подход к истории (у нас его обычно именуют «цивилизационным») исчерпал все свои возможности и отошел в прошлое. Попытки его реанимировать, которые сейчас предпринимаются в нашей науке, ни к чему, кроме конфуза, привести не могут. Об этом наглядно свидетельствуют статьи и выступления наших «цивилизационщиков». По существу, все они представляют собой переливание из пустого в порожнее.

Но и та версия унитарно-стадиального понимания истории, которая была названа линейно-стадиальной, находится в противоречии с исторической реальностью. И это противоречие не было преодолено и в самых последних унитарно-стадиальных концепциях (неоэволюционизм в этнологии и социологии, концепции модернизации и индустриального и постиндустриального общества). Все они остаются в принципе линейно-стадиальными.

5. Эстафетно-формационный подход к всемирной истории

В настоящее время существует настоятельная нужда в новом подходе, который был бы унитарно-стадиальным, но в то же время учитывал всю сложность всемирно-исторического процесса, подход, который не сводил бы единство истории только к общности законов, а предполагал бы понимание ее как единого целого. Действительное единство истории неотделимо от ее целостности.

Человеческое общество в целом существует и развивается не только во времени, но и в пространстве. И новый подход должен учитывать не только хронологию мировой истории, но и ее географию. Он с необходимостью предполагает историческое картографирование исторического процесса. Всемирная история движется одновременно во времени и пространстве. Новому подходу предстоит уловить это движение как в его временном, так и пространственном аспектах.

А все это с необходимостью предполагает глубокое изучение не только «вертикальных», временных, диахронных связей, но и

связей «горизонтальных», пространственных, синхронных. «Горизонтальные» связи – это связи между одновременно существующими социоисторическими организмами. Такие связи всегда существовали и существуют, если не всегда между всеми, то, по крайней мере, между соседними социорами. Всегда существовали и существуют региональные системы социоисторических организмов, а к настоящему времени возникла всемирная их система. Связи между социорами и их системами проявляются в их взаимном воздействии друг на друга. Это взаимодействие выражается в самых различных формах: набеги, войны, торговля, обмен достижениями культуры и т. п.

Одна из самых важных форм межсоциорного взаимодействия состоит в таком воздействии одних социоисторических организмов (или систем социоисторических организмов) на другие, при котором последние сохраняются как особые единицы исторического развития, но при этом под воздействием первых либо претерпевают существенные, надолго сохраняющиеся изменения, либо, наоборот, теряют способность к дальнейшему развитию. Это межсоциорная индукция, которая может происходить по-разному.

Нельзя сказать, что «горизонтальные» связи совсем не исследовались. Они даже находились в центре внимания сторонников таких направлений в этнологии, археологии, социологии, истории, как диффузионизм, миграционизм, концепции зависимости (зависимого развития), мир-системный подход. Но если сторонники линейно-стадиального подхода абсолютизировали «вертикальные» связи в истории, пренебрегая «горизонтальными», то поборники целого ряда из названных выше течений в противовес им абсолютизировали «горизонтальные» связи и уделяли явно недостаточное внимание «вертикальным». Поэтому ни у тех, ни у других не получалась картина развития всемирной истории, которая соответствовала бы исторической реальности.

Выход из положения может заключаться лишь в одном: в создании такого подхода, в котором были бы синтезированы стадиальность и межсоциорная индукция. В создании такого нового подхода не могут помочь никакие общие рассуждения о стадиальности. В основу должна быть положена достаточно четкая стадиальная типология социоисторических организмов. К насто-

ящему времени только одна из существующих стадийальных типологий общества заслуживает внимания – историко-материалистическая.

Это отнюдь не значит, что ее нужно принимать в том виде, в котором она сейчас бытует в трудах как основоположников марксизма, так и их многочисленных последователей. Важен признак, положенный К. Марксом и Ф. Энгельсом в основу типологии, – социально-экономическая структура социоисторического организма. Необходимо выделение социально-экономических типов социоисторических организмов.

Основоположниками материалистического понимания истории были выделены лишь основные типы общества, которые были одновременно стадиями всемирно-исторического развития. Эти типы были названы общественно-экономическими формациями. Но кроме этих основных типов, существуют и неосновные социально-экономические типы, которые я буду называть общественно-экономическими параформациями (от греч. *para* – около, рядом) и общественно-экономическими проформациями (от лат. *pro* – вместо). Все общественно-экономические формации находятся на магистрали всемирно-исторического развития. Сложнее обстоит дело с параформациями и проформациями. Но для нас в данном случае различие между общественно-экономическими формациями, параформациями и проформациями несущественно. Важно, что все они представляют собой социально-экономические типы социоисторических организмов.

Начиная с определенного момента, важнейшей особенностью всемирной истории стала неравномерность развития социоисторических организмов и соответственно их систем. Было время, когда все социоисторические организмы относились к одному типу. Это эпоха раннепервобытного общества. Затем часть обществ превратилась в позднепервобытные, а остальные продолжали сохранять прежний тип. С возникновением предклассовых обществ стали одновременно существовать общества по меньшей мере трех разных типов. С переходом к цивилизации к нескольким типам доклассового общества прибавились первые классовые социоисторические организмы, которые относились к формации, которую К. Маркс называл азиатской, а я предпочи-

таю именовать политарной (от греч. *палития* — государство). С возникновением античного общества возникли классовые социоисторические организмы по крайней мере еще одного типа.

Не буду продолжать этот ряд. Важен вывод, что на протяжении значительной части мировой истории одновременно существовали социоисторические организмы нового и более старых типов. В применении к новой истории нередко говорили о передовых странах и народах и об отсталых, или отставших, странах и народах. В XX в. последние термины стали рассматриваться как обидные и заменяться другими – «слаборазвитые» и, наконец, «развивающиеся» страны.

Нам нужны понятия, которые годились бы для всех эпох. Социоисторические организмы самого передового для той или иной эпохи типа я буду называть супериорными (от лат. *super* – сверх, над), а все остальные – инфериорными (от лат. *infra* – под). Разумеется, различие между теми и другими относительно. Социоры, которые были супериорными в одну эпоху, могут стать инфериорными в другую. Многие (но не все) инфериорные организмы принадлежат к типам, которые находились на магистрали всемирно-исторического развития, но время которых прошло. С появлением более высокого магистрального типа они превратились в эксмагистральные.

Как супериорные социоисторические организмы могут влиять на инфериорные, так и последние на первые. Процесс влияния одних социоров на другие, имеющий существенные последствия для их судеб, выше уже был назван межсоциорной индукцией. В данном случае нас прежде всего интересует воздействие супериорных социоисторических организмов на инфериорные. Я сознательно употребляю здесь слово «организм» во множественном числе, ибо на инфериорные организмы обычно воздействует не единичный супериорный социор, а целая их система. Влияние супериорных организмов и их систем на инфериорные организмы и их системы я буду называть супериндукцией.

Супериндукция может иметь своим следствием совершенствование инфериорного организма. В таком случае это воздействие может быть названо прогрессизацией. В случае противоположного результата можно говорить о регрессизации. Это воз-

действие может иметь следствием стагнацию. Это стагнализация. И, наконец, результатом супериндукции может быть частичное или полное разрушение инфериорного социора — деконструкция. Чаще всего процесс супериндукции включает в себя все три первых момента, обычно с преобладанием одного из них.

Концепции супериндукции созданы лишь в наше время и применительно лишь к новой и новейшей истории. Это некоторые концепции модернизации (европеизации, вестернизации), а также теории зависимого развития и миров-систем. В концепциях модернизации на первый план выступает прогрессизация, в концепциях зависимого развития — стагнализация. Классический мир-системный подход пытался раскрыть всю сложность процесса супериндукции. Своеобразная оценка современной супериндукции дана в концепции евразийства и в современном исламском фундаментализме. В них этот процесс характеризуется как регрессизация или даже деконструктивизация.

В применении к более отдаленным временам разработанных концепций супериндукции не создавалось. Но процесс этот был замечен диффузионистами и абсолютизирован гипердиффузионистами. Странники панегиптизма рисовали картину «египтизации» мира, поборники панвавилонизма — его «вавилонизации». Историки, которые держались фактов, подобного рода концепций не создавали. Но не заметить процессов супериндукции они не могли. И если специальных концепций супериндукции они не разрабатывали, то термины для обозначения происходивших в те или иные эпохи подобного рода конкретных процессов вводили. Это термины «ориентализация» (применительно к архаической Греции и ранней Этрурии), «эллинизация», «романизация».

В результате прогрессизации может измениться тип инфериорного организма. В некоторых случаях он может превратиться в социоисторический организм того же типа, что и воздействующие на него, т. е. подняться на более высокую стадию магистрального развития. Этот процесс «подтягивания» инфериорных организмов до уровня супериорных может быть назван супериоризацией. В концепциях модернизации имеется в виду именно этот вариант. Отставшие в своем развитии общества

(традиционные, аграрные, преמודерные) превращаются в капиталистические (индустриальные, модерные).

Однако это не единственная возможность. Другая состоит в том, что под воздействием супериорных социоров инфериорные социоры могут превратиться в социоисторические организмы более высокого, чем исходный, типа, но этот стадийный тип лежит не на магистрали, а на одном из боковых путей исторического развития. Этот тип является не магистральным, а латеральным (от лат. *lateralis* – боковой). Этот процесс я буду называть латерализацией. Естественно, что латеральные типы представляют собой не общественно-экономические формации, а па-раформации.

Если принять во внимание супериоризацию, то процесс мировой истории можно нарисовать как такой, в котором группа социоисторических организмов развивается, поднимается с одной стадии развития на другую, более высокую, а затем «подтягивает» на достигнутые ею уровни остальные, отставшие в своем развитии социоры. Существуют вечный центр и вечная периферия: Но это не дает решения проблемы.

Как уже указывалось, нет ни одного социоисторического организма, в развитии которого сменилось бы больше двух формаций. И существует множество социоров, внутри которых смена формаций вообще не имела места.

Можно допустить, что когда группа супериорных организмов «подтянула» до своего уровня определенное число инфериорных, последние в своем последующем развитии оказались способными самостоятельно подняться на новую, более высокую стадию развития, а первые на это оказались неспособными и тем самым отстали. Теперь уже бывшие инфериорные организмы стали супериорными, а бывшие супериорные – инфериорными. В таком случае происходит перемещение центра исторического развития, бывшая периферия становится центром, а бывший центр превращается в периферию. При таком варианте происходит своеобразная передача исторической эстафеты от одной группы социоисторических организмов к другой.

Все это больше приближает картину мирового исторического процесса к исторической реальности. То, что в развитии ни одного социоисторического организма не наблюдалось смены бо-

лее чем двух формаций, нисколько не мешает смене любого их числа в истории человечества в целом. Однако в данном варианте смена общественно-экономических формаций мыслится как происходящая прежде всего внутри социоисторических организмов. Но в реальной истории дело обстоит далеко не всегда так. Поэтому полного решения проблемы и такая концепция не дает.

Но кроме рассмотренных выше, существует еще один вариант развития. И при нем система супериорных социоисторических организмов воздействует на инфериорные социоры. Но эти последние в результате такого воздействия претерпевают более чем своеобразную трансформацию. Они не превращаются в организмы того же типа, что и воздействующие на них. Супериоризации не происходит.

Но тип инфериорных организмов при этом меняется. Инфериорные организмы превращаются в социоры такого типа, который, если подходить чисто внешне, должен быть причислен к латеральным. Этот тип общества действительно представляет собой не формацию, а параформацию. Но это возникшее в результате прогрессизации, т. е. прогрессизированное, общество оказывается способным к дальнейшему самостоятельному прогрессу, причем особого рода. В результате действия уже чисто внутренних сил это прогрессизированное общество превращается в общество нового типа. И этот тип общества бесспорно находится уже на магистрали исторического развития. Он представляет собой более высокую стадию общественного развития, более высокую общественно-экономическую формацию, чем та, к которой относились супериорные социоисторические организмы, воздействие которых послужило импульсом к такому развитию. Это явление можно назвать ультрасупериоризацией.

Если в результате супериоризации инфериорные социоисторические организмы «подтягиваются» до уровня супериорных социоров, то в результате ультрасупериоризации они «перепрыгивают» этот уровень и выходят на еще более высокий. Появляется группа социоисторических организмов, которые принадлежат к общественно-экономической формации более высокой, чем та, к которой принадлежали бывшие до этого супериорными социоры. Теперь первые становятся супериорными, магистральными, а последние превращаются в инфериорные, эксмаги-

стральные. Происходит смена общественно-экономических формаций, причем она происходит не внутри тех или иных социоисторических организмов, а в масштабах человеческого общества в целом.

Могут сказать, что при этом смена типов общества происходила и внутри социоисторических организмов. Действительно, внутри инфериорных социоисторических организмов произошла смена одного социально-экономического типа общества другим, а затем еще одним. Но ни один из сменившихся внутри этих социоров не был той формацией, которая ранее господствовала, которая ранее была высшей. Смена этой ранее господствующей формации новой, к которой перешла сейчас ведущая роль, произошла не внутри одного социоисторического организма. Она произошла только в масштабах человеческого общества в целом.

При такой смене общественно-экономических формаций мы сталкиваемся с подлинной передачей исторической эстафеты от одной группы социоисторических организмов к другой. Последние социоры не проходят той стадии, на которой находились первые, не повторяют их движение. Выходя на магистраль человеческой истории, они сразу начинают движение с того места, на котором остановились ранее бывшими супериорными социоисторическими организмами. Ультрасупериоризация имеет место тогда, когда существующие супериорные социоисторические организмы сами не способны превратиться в организмы более высокого типа.

Пример ультрасупериоризации – возникновение античного общества. Его появление было совершенно невозможно без воздействия ближневосточных социоисторических организмов на бывшие до этого предклассовыми греческие социоисторические организмы. Это прогрессирующее влияние давно подмечено историками, назвавшими этот процесс ориентализацией. Но в результате ориентализации предклассовые греческие социоры не стали политарными обществами, подобными тем, что существовали на Ближнем Востоке. Из предклассового греческого общества возникла вначале архаическая Греция, а затем классическая Греция.

Но кроме рассмотренного выше, известен истории и еще один вид ультрасупериоризации. Она имела место тогда, когда сталкивались, с одной стороны, геосоциальные организмы, с другой – демосоциальные. Не может быть и речи о присоединении демосоциора к геосоциору. Возможно лишь присоединение к территории геосоциора территории, на которой живет демосоциор. В таком случае демосоциор, если он продолжает оставаться на этой территории, включается, вводится в состав геосоциора, продолжая сохраняться как особое общество. Это демосоциорная интродукция (лат. *introductio* – введение). Возможно и проникновение, и поселение демосоциорных на территории геосоциора – демосоциорная инфильтрация (от лат. *in* – в и ср. лат. *filtratio* – процеживание). И в том и другом случае лишь в последующем, причем не всегда и не скоро, происходит разрушение демосоциора и прямое вхождение его членов в состав геосоциора. Это геосоциорная ассимиляция, она же – демосоциорная аннигиляция.

Особый интерес представляет вторжение демосоциоров на территорию геосоциора с последующим установлением их господства над ней. Это демосоциорная интервенция, или демосоциорная интрузия (от лат. *intrusus* – втолкнутый). В данном случае происходит наложение демосоциорных организмов на геосоциорный, сосуществование на одной территории социоров двух разных типов. Создается ситуация, когда на одной и той же территории часть людей живет в системе одних общественных отношений (прежде всего социально-экономических), а другая – в системе совершенно иных. Слишком долго это длиться не может. Дальнейшее развитие идет по одному из трех вариантов.

Первый вариант: демосоциоры разрушаются, а их члены входят в состав геосоциора, т. е. происходит геосоциорная ассимиляция, или демосоциорная аннигиляция. Второй вариант: разрушается геосоциор, а составлявшие его люди становятся членами демосоциорных организмов. Это демосоциорная ассимиляция, или геосоциорная аннигиляция.

При третьем варианте происходит синтез геосоциорных и демосоциорных социально-экономических и других социальных структур. В результате такой синтезации возникает общество нового типа. Этот тип общества отличен как от типа исходного гео-

социора, так и типа исходных демосоциоров. Подобное общество может оказаться способным к самостоятельному внутреннему развитию, в результате которого оно поднимается на более высокую стадию магистрального развития, чем исходный супер-иорный геосоциальный организм. Как следствие такой ультра-супериоризации произойдет смена общественно-экономических формаций в масштабе человеческого общества в целом. И опять-таки это происходит тогда, когда исходный супер-иорный организм не способен превратиться в общество более высокого типа. Такой процесс имел место при смене античности средними веками. Историки при этом говорят о романо-германском синтезе.

Ультрасупериоризация в обоих своих вариантах представляет собой процесс передачи на исторической магистрали эстафеты от супер-иорных социоисторических организмов старого типа к супер-иорным социоисторическим организмам нового, более высокого типа. Открытие ультрасупериоризации позволяет создать новый вариант унитарно-стадиального понимания всемирной истории, который можно назвать унитарно-эстафетно-стадиальным, или просто эстафетно-стадиальным.

Напомню, что в применении к теории общественно-экономических формаций был поставлен вопрос: представляет ли собой схема смены формаций идеальную модель развития каждого социально-исторического организма, взятого в отдельности, или же она выражает внутреннюю необходимость развития только их всех вместе взятых, т. е. только всего человеческого общества в целом? Как уже было показано, практически все марксисты склонялись к первому ответу, что делало теорию общественно-экономических формаций одним из вариантов линейно-стадиального понимания истории.

Но ведь возможен и второй ответ. В этом случае общественно-экономические формации выступают прежде всего как стадии развития человеческого общества в целом. Они могут быть и стадиями развития отдельных социально-исторических организмов. Но это не обязательно. Линейно-стадиальное понимание смены общественно-экономических формаций находится в противоречии с исторической реальностью. Но кроме него возможно и другое – эстафетно-стадиальное.

Конечно, эстафетно-формационное понимание истории возникает только сейчас. Но идея исторической эстафеты и даже эстафетно-стадиальный подход к всемирной истории зародились уже довольно давно, хотя и не пользовались никогда широким признанием. Возник этот подход из потребности совместить идеи единства человечества и поступательного характера его истории с фактами, свидетельствующими о разделении человечества на обособленные образования, которые возникают, расцветают и погибают.

Впервые этот подход зародился в трудах французских мыслителей XVI в. Ж. Бодена и Л. Леруа. В XVII в. его придерживался англичанин Дж. Хейквилл, в XVIII в. – немцы И. Г. Гердер и И. Кант, француз К. Ф. Вольней. Этот подход к истории был глубоко разработан в «Лекциях по философии истории» Г. В. Ф. Гегеля, а в первой половине XIX в. получил развитие в трудах таких русских мыслителей, как П. Я. Чаадаев, И. В. Киреевский, В. Ф. Одоевский, А. С. Хомяков, А. И. Герцен, П. Л. Лавров. После этого он был почти полностью забыт²³.

Сейчас пришла пора возродить его на новой основе. Новый вариант эстафетно-стадиального подхода – эстафетно-формационное понимание всемирной истории. Это современная, отвечающая нынешнему уровню развития исторической, этнологической, социологической и других общественных наук форма теории общественно-экономических формаций.

Доказать правильность такого подхода к всемирной истории можно только одним способом: нарисовать, руководствуясь им, такую целостную картину всемирной истории, которая была бы в большем соответствии с фактами, накопленными исторической наукой, чем все ныне существующие. Такая попытка была предпринята мною в целом ряде работ, к которым и отсылаю читателя²⁴.

²³Подробно обо всем этом см.: Семенов Ю. И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996.

²⁴См.: Семенов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве//Философия и общество. 1997. № 1; Он же. Всемирная история в самом сжатом изложении//Восток. 1997. № 2.